

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

**По поводу статьи
В. С. Соловьева «О церкви и
расколе»**

«В сегодняшнем номере „Руси“ мы заканчиваем печатание статей В.С. Соловьева „О церкви и расколе“. Эта статья состоит в неразрывной связи со статьей того же автора в 56-м номере 1881 г., с такою горячностью сыновней к церкви любви, обличавшей темные стороны нашего церковного управления и поистине недостойную церкви систему действий наших церковных чиновников и сановников по отношению к расколу...»

**Иван Сергеевич Аксаков
По поводу статьи В.С.
Соловьева «О церкви и
расколе»**

В сегодняшнем номере «Руси» мы заканчиваем печатание статей В.С. Соловьева «О церкви и расколе». Эта статья состоит в неразрывной связи со статьей того же автора в 56-м номере 1881 г., с такою горячностью сыновней к церкви любви, обличавшей темные стороны нашего церковного управления и поистине недостойную церкви систему действий наших церковных чиновников и сановников по отношению к расколу. Статья эта, вероятно, памятна читателям: она наделала в свое время немало шума и подала даже повод к некоторым недоразумениям. У нас немало охотников относиться к церкви только отрицательно, видеть одну мерзость запустения на месте святе. Так взглянули на статью, может быть, и сами раскольники, довольные тем, что труд обличения принял на себя не последователь какой-либо секты и не нигилист какой-нибудь, в беспристрастии которых можно было бы усомниться, а человек православный, уже достаточно известный своими богословскими трудами. Они только недосмотрели при этом – в избытке своего удовольствия – разницы между обличением

нечестивым и тою ревностью о чистоте идеала, которая негодует о всяком пятне, помрачающем его внешний образ. Как бы ни была велика мерзость запустения на месте святе, самое место оттого не менее свято и не перестает быть святым. И вот, указав с искреннею болью сердца на плесень и пятна, г. Соловьев раскрывает в настоящих статьях тем, которые кроме плесени и пятен ничего и не видят, значение святости самого места, паче которого нет иного в мире, вне которого нет для человечества истинного союза с Богом.

Одним словом, настоящие три статьи рассматривают другую сторону вопроса: не отношение нашего церковного управления к расколу, а отношение раскола к церкви. Разъясняя самое существо церкви как богочеловеческого учреждения, — последовательно, шаг за шагом проверяет автор все основания, которыми старается раскол оправдать свое разъединение с церковью, неопровержимо доказывает их несостоятельность, равно и всю внутреннюю неправду раскола. Эта неправда не в приверженности к старому обряду; не в крепкой связи старообрядцев с националь-

ною историческою почвой (что с некоторого времени с особенною гордостью стали они выставлять на вид, и что, конечно, заслуживает только похвалы); не в протесте против жестоких гонений, воздвигнутых против них не по разуму Христову усердными радетелями «господствующей» церкви. Неправда в том, что не Духу Животворящему, а букве мертвящей воздали они божеские почести; что превыше вселенскости, кафоличности церкви – единой во времени и пространстве, в которой нет ни старого, ни нового, ни местного, но лишь вечное и истинное – превознесли они начало старины и племенное начало, и от сих человеческих начал поставили в зависимость действие божественной благодати; что самозвано, самовольно учинили себя судьями над всецелостью святой церкви; что во имя вышеупомянутых человеческих начал они – или как беспоповцы, признав лживым обетование Христа: «Аз с вами пребуду до скончания века» и «созижду церковь мою и врата адовы не одолеют ю», исповедуют, что, напротив, врата адовы ее одолели и Христос, хотя бы временно, прервал свое тайнодей-

ственное пребывание с нею! Или же, как поповцы, перенося лишь на себя одних понятие о всецелости церковной, явили из себя, вопреки божественному завету и самому разуму понятий, церковь якобы соборную и апостольскую, но лишенную богоустановленной иерархии, а с нею и благодати таинств, – которую и возомнили заместить благодатью краденой! И у кого же краденой? У церкви, которой непрерывная истинность и божественность ими отрицается!.. Впрочем, мы не имеем намерения воспроизводить здесь ни аргументацию В. С. Соловьева, ни даже полное очертание его нового труда; мы оставляем вовсе в стороне и его критику оснований, на которых зиждется учение сект мистических, а также и рационалистических, поклоняющихся не божественному, а собственному разуму, именно его сотворивших себе кумиров. Очередь пока не за ними, а за нашими старообрядцами.

Мы думаем, что не ошибемся, если скажем, что еще никогда в нашей литературе вопрос о расколе, и преимущественно о расколе старообрядческом и его отношении к церкви,

не был поставлен так верно и правильно, и на той высоте созерцания, откуда обнимаются взором все его стороны и широко раздвигаются облегающие этот вопрос так тесно внизу горизонты времени и места. Это не препирательство о правости или неправости, о старине или новшестве, о большей или меньшей давности того или другого, вовсе даже не существенного обряда; не состязание о правописании, не попрек в противозаконном или оскорбительном образе действий и не оправдание, во что бы ни стало, таковых же обид со стороны официальных представителей и служителей церкви; даже не новое исследование относительно новой темы о сравнительном значении догмата и обряда. Здесь спор (если есть о чем спорить) касается наисущественнейшего, жизненного основания, – той оси, на которой держится все бытие старообрядческих сект, именно самого понятия о церкви. Ибо все старообрядцы, каких бы именований ни были, несомненно признают самое начало церкви, хотя и разумеют его неверно и фактически его отметають; все они от этого начала отправляются, все связаны с ним историче-

ским происхождением, все его исповедуют, хотя и задним числом. Г. Соловьев своими доводами рушит самую почву, на которой они утверждаются, обличает их в отрицании самой сущности церкви, ее всецелости или кафоличности, в отрицании не внешним действием только, но мыслью и духом – заблудшеюся мыслью, отуманившимся духом! Нам кажется, что эти статьи не могут пройти бесследно для самосознания старообрядцев. Их отношение к этим статьям должно явить – жив ли еще в них дух, испытующий истину, или уже омертвели они в своем самомнении, закоснели в тесноте духа? Едва ли. Во всяком случае вопрос поставлен, – поставлен гласно и настоятельно стучится к нам в двери, требуя ответа, – от которого совесть их уклониться не может: уклонение в настоящем случае равнялось бы поражению, свидетельству о бессилии духовном, о мнимости исповедуемой ими истины.

Не может совесть их уклониться от ответа и потому, что предлагаемые их вниманию статьи не просто вызов на спор или на борьбу во всеоружии логики и знания. Кроме всесто-

ронности и ученого беспристрастия, которыми отличается изложение автора, он очевидно поддерживается на той высоте созерцания, на которую поставил вопрос, еще и искренним нравственным, теплым одушевлением – правды, братского участия и любви. Это особенно выражается в заключительных словах его последней, то есть нынешней статьи. Он не взывает к ним, как некоторые: «Вы не правы, а мы правы, мы обладаем божественной истиной, а потому извольте признать, что все клятвы, гонения, преследования, темницы, топоры, ссылки, казни – все это вам было и есть поделум; так сему быть надлежало, надлежит быть и впредь, и вы, если хотите вступить в ограду церкви, распишитесь сначала в признании правомерности и непогрешимости всех поступков нашего церковного правления...» Нет, прежде чем обращаться к вам, он осудил в своем сознании и в своем чувстве (и не утаил своего осуждения) все эти внешние насилования совести в деле веры, все эти деяния – не святости, а страстности человеческой, не церкви самой, а лишь во имя церкви людей церковных – в ослеплении благочестия-

вой ревности препоясавших себя не мечом духовным, единственно церкви приличным, но мечом государственным. Но не признавая правыми ни ваших дел, ни ваших измышлений и самочиний, он говорит вам: мы и сами немощны, мы погрешили, по человечеству, против завета Христовой любви, но мы, при всем нашем недостойнстве, стоим в ограде истины, у живого, неиссякаемого, обетованного источника Божией благодати и, призывая вас к общему подвигу покаяния, к забвению и прощению взаимных обид, увещеваем и молим соединиться вместе с нами в исповедании веры – преподанном и хранимом всецел остью православной, то есть святой, соборной и апостольской церкви!

И в самом деле – не настала ли уже пора? Не знаменует ли сам Господь ниспосылаемыми нашей земле испытаниями время благопотребно для упразднения нашей братской розни, для восстановления нашего единства церковного, – того единомыслия в исповедании, в основании которого, как ежедневно напоминают нам слова божественной литургии, стоит святое «возлюбим друг друга!». Все

мы жалуемся на оскудение в нас церковного духа, все толкуем о необходимости оживления его, о подъеме... Но возможно ли это, когда столько миллионов наших братьев, и едва ли не из лучших сынов русского народа по благочестию и строгости нравов, по крепости духа, по верности отеческим, народным, историческим преданиям – разъединены с нами?.. Может быть только немножко любви, да хоть бы и излишек любви, со стороны нашего церковного управления, и совершилось бы великое действие любви, великое торжество братского воссоединения!.. Не воровским путем, как теперь, «не прелазя инуде, как разбойник», добудете вы, старообрядцы, мир и утешение вашим душам и благодать спасительных таинств: царским широким путем грядите в церковь и в единоверии с нею обретете вы и истину, и мир, и благодать. Нам же дадите вы, быть может, от крепости своего духа, от своего уважения к родной старине, своей верности отеческим преданиям, своей ревности о благочестии общественных нравов, – да вместе, путеводимые светом истинной веры, движемся вперед к свету науки и знаний, и

талант, данный от Бога, между прочими народами, и нашему русскому народу, не оставим зарытым в землю, а с помощью Божией умножим, – пустим в мировое обращение!.. Будем же стремиться к тому высшему заповеданному Христом единству, которого вечный на земле образ есть церковь, и в этом стремлении отыщем по пути целительное единение и для нашей разрозненной, обуреваемой разномыслием, разнoverием, злыми веяниями отовсюду, угрожаемой врагами внутри и извне великой народной семьи... И не к вам одним, а и к самим себе, ко всем, и безвластным и власть имеющим, обращаем мы это слово...

Один из вдохновенных русских поэтов, озаренный светом веры, Хомяков напоминал в своих стихах, – и не худо всем нам это помнить, что не с теми Бог, кто говорит:

*Мы – соль земли, мы – столп свя-
тыни,
Мы – Божий меч, мы – Божий
щит!
Не с теми он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком*

*И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.
Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия...
Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам:
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм!*